

2.4. Императив (повелительное наклонение)

2.4.1. Образование и структура императива

В данном исследовании принимается за основу так называемая краткая парадигма императива, состоящая лишь из синтетических (суффиксальных) форм 2 лица ед. и мн. числа, 1 лица мн. числа, представляемая обычно в обобщающих работах, напр., в недавно вышедшем труде «Языки мира. Уральские языки» (Баталова 1993 : 224, 237). В отличие от многих работ, где представлены лишь полные показатели 2 лица мн. ч. (ср. *петалй̆й* «выходите»), представляются также краткие показатели, чаще всего используемые в устной речи (*петал̆* «тж»). В литературных коми языках парадигма императива имеет следующий вид:

	Ед.ч.
1 л.	–
2 л.	<i>гиж-Ø</i> «пиши»

	Мн.ч.
	<i>гиж-ам(̆(й̆))</i> «напишем давай»
	<i>гиж-̆(й̆)</i> , кп. <i>гиж-̆</i> «пишите».

Прохибитивные формы:

1 л. —	<i>og(θ) гиж-θ(й)</i> «не напишем давай»
2 л. эн гиж «не пиши»	<i>эн(θ(й)) гиж-θ(й)</i> «не пишите»
	кп. <i>эд(θ) гиж-θ</i> «тж».

Форма императива 2 лица ед. ч. считается основной и наиболее древней в языке, относимой по происхождению к периоду не позднее финно-угорского языка-основы (Lakó 1973 : 107). Обычно считается, что императив 2 лица ед. ч. образует основа глагола, консонантная или вокалическая, вычленяемая путем отсечения показателя инфинитива **-ны**: *сьив-ны* «петь» → *сьив* «пой», *йокты-ны* «плясать» → *йокты* «пляши». Вокалическая основа с конечным **-ы** иногда ошибочно считается как особый показатель императива 2 лица ед. ч.: «Императив 2-го лица ед. ч. выражается основой глагола или окончанием **-i(-j)**, если основа оканчивается на сочетание двух согласных (за исключением некоторых сочетаний согласных, как *st*, *št*, *rt*: *туп* «иди», *дугди* «перестань» (Туркин 1998 : 89), так же выделяет Р.И.Баталова в оньковском и нижнеиньвенском диалектах (1990 : 118; 1995 : 112), а также и в других диалектах (ССД 52; НВД 49) и др. Р.А.Микушев полагает, что «форма 2 лица ед. ч. повелительного наклонения выражается нулевым показателем, который присоединяется к основе глагола» (Микушев 1992 : 57). В нормативных грамматиках формой императива 2 лица ед. ч. считают или чистую основу глагола, или окончание **-ы** (КПЯ 249; СКЯ I 217).

В целом, отбрасывая ошибочные положения о показателе **-ы** (диал. **-и**) как о самостоятельном показателе повелительного наклонения, можно говорить об основе глагола как грамматической форме положительного императива 2 лица ед. ч. Диалектные корреспонденции этой формы одношты: кя. *мун* (Аыткин 1961 : 68), оньк. *сотты* «добавь, прибавь», *шонт* «согрей, разогрей» (Баталова 1990 : 118), ни. *кыскы* «тащи», *варт* «молоти, бей» (Баталова 1995 : 112), кк. *шонт* и *шонты* «согрей» (Дмитриева 1998 : 112), лл. *мун*, *пукты* (ЛЛД 79), вс. *мун*, *пукт-ы* (ВСД 119), сс. *йуыш* и *йуышты* «попей», *т'ис'* и *т'ис'ты* «вылей», *дöмыш* и *дöмышты* «подремонтируй немножко» (ССД 52), скр. *мун*, *пукт-ы* (ПСД 132), нв. *с'ив* «пой», *вэжс'и* «переоденься», вв. *мун* «иди», *пукс'и* «садись» (ВВД 101), печ. *пэт* «выходи», *мыс'с'ы* «умойся» (ПД 38), вым. *мун*, *пукт-ы* (ВД 119), уд. *ка* «поднимись», *с'ив* «пой», *с'ипты* «закрой», *корс'ы* «ищи» (УД 73), иж. *мун* (ИД 87).

Как уже отмечалось, диахронно основная форма императива (2 лица ед. ч.) представляет собой основу глагола. Ученые предполагали, что в финно-угорском праязыке существовал и показатель императива ***-к**, перешедший из показателя презенса, этот суффикс сохраняется в финском (*vie'* (< *iek*) «неси») и венгерском (*várj* (*j* < ***-к**) «жди») языках (Майтинская 1979 : 13). Однако, в пермских языках следов форматива ***-к** не обнаруживается, вероятно, его и не было (Серебренников 1963 : 291).

Прохибитивная форма императива 2 лица ед. ч. формально совпадает с отрицательным глаголом 2 лица ед. ч. I прошедшего времени, ср. *Петыр, тэ эн мун!* «Петя, ты не иди!» ⇔ *Петыр, тэ тай эн мун* «Петя, ты ведь не ушел (почему-то)». Разница между этими формами есть лишь в просодии, обычно в императивной форме динамическое и логическое уда-

рение падает на вокал отрицательного глагола, произношение его сопровождается повышением интонации, а затем резким спадом на лексическом глаголе: *Эн босьт!* "Не бери!". Диалектные корреспонденции прохибитивной формы 2 лица ед. ч. не отличаются разнообразием: кя. *ин му* (Лыткин 1961 : 68), онк. *ин вай* "не неси" (Баталова 1990 : 119), ни. *и кай* "не подымайся" (Баталова 1995 : 113), кк. *эн йуас* "не спрашивай" (Дмитриева 1998 : 113); лл. *эн мун, эн пукты* (ЛЛД 79), вс. *эн мун, эн пукт-ы* (ВСД 119), скр. *эн мун, эн пукты* (ПСД 133), нв. *ин мун* (НВД 48) печ. *тэ эн пет* (ПД 38), вым. *ин мун, ин пукт-ы* (ВД 119), иж. *ин мун* (ИД 87). Неполнота диалектных данных объясняется тем, что не во всех описаниях диалектов представлены прохибитивные формы императива. Однако они не отличаются от соответствующих глагольных форм 2 лица ед. ч. прошедшего времени в отрицательной парадигме. Литературные коми языки не отличаются друг от друга в этом члене парадигмы императива *эн гиж* "не пиши".

Важное место и функциональную роль в парадигме императива занимают формы 2 лица мн. ч., которые используются при обращении ко многим слушателям, собеседникам, напр., – *Пышйой!* – *гордiс кодiкi*. – *Дзебсёй,* – *котiртiгiтьрiи горзi кодiкi мiд* (В.Чистаев) (Ытва 40) "Убегайте! - крикнул кто-то. – Прячьтесь! – убегая, кричит кто-то"; *Тышкaсигa шумoй энi вiчi* (И.Сажин) (Ытва 101) "Во время борьбы шума не создавайте"; кп. *Эдi видзiтi мeнaм учiт мызiр выiдi*. *Гортын керлi быдкодi уджсi* (В.Канюков) (ПШ 375) "Не смотрите на мою маленькую фигуру. Дома делала всякую работу".

Показателем формы повелительного наклонения 2 лица мн. ч. является суффикс кз. -*йй*, кп. -*й*, в коми-зырянском также употребляется сокращенный алломорф -*й*. Диалектные корреспонденции суффикса следующие: кя. *мунi* (Лыткин 1961 : 68), онк. *мезд-й* "освободите", *шонт-й* "согрейте, разогрейте", *вайi-т'э* "несите" (Баталова 1995 : 118-119), ни. *кысi* "тащите", *верд-й* "накормите", *кайi-т'э* "подымайтесь" (Баталова 1995 : 112-113), кк. *отик п'исч'асi с'ыл-й* "одну песню спойте" (Дмитриева 1998 : 112), лл. *мун-й, пукт-й* (ЛЛД 79), вс. *мун-й (мун-о Кб.), пукт-й (пукт-о Кб.)* (ВСД 119), сс. -*й* или -*йй*: *менi дай бос'тi* "меня тоже возьмите", *шан'лiй, дугдылiй шумитныд* "перестаньте шуметь" (ССД 52), скр. *мунiй, пуктiй* (ПСД 132), нв. -*й (-э)*: *с'илi* "пойте", *вежс'э* "переоденьтесь" (НВД 49), вв. -*э, -эй*: *мунэ, мунэй* "идите, ступайте", *дугдэ, дугдэй* "перестаньте" (ВВД 101), печ. -*йй*: *мунiй* "идите", *мыс'сiй* "умойтесь" (ПД 38), вым. *мун-й, пукт-й* (ВД 119), уд. -*й*: *с'илi* "пойте", *карi* "делайте" (УД 73), иж. *мунэ (-эй не употребляется)* (ИД 87). Как показывает материал, кодифицированный в литературном коми-зырянском суффикс -*йй* употребляется лишь в центральных диалектах, а в коми-пермяцких, южных и северных коми-зырянских диалектах общепринято употребление сокращенного -*й* с опущенным конечным -*й*. Наблюдается тенденция к редукции форм, которая хорошо видна в верхневычегодском диалекте. К примеру, во многих селах употребительны оба алломорфа, форма глагола *дугдэй* зафиксирована в сс. Аныб, Вочь, Деревянск, Керчомья, Мыседино, Пожег, форма *дугдэ* употребляется в сс. Вочь, Деревянск, Керчомья, Пожег, Сторожевск (ВВД 101). Аналогично положение и в коми-зырянском литературном языке, где наряду с суффиксом -*йй* широко употребляется также

-ѳ, напр., **Сьылѳй** чеччиг, **сьылѳй** водѳг – **Сьылѳй, сьылѳй** вунтѳг (Лыткин I 17) “Пойте вставая, пойте ложась, Пойте, пойте не забывая”; **Тувсов** югѳд лунъяѳѳй, **Донаяѳѳй** тѳ, **Сьѳлѳмъясын ѳзмѳлѳй** Радѳйтѳчѳмлысь **би** (А.Ванеев) (ВК 1993, № 3-4 : 88) “Светлые весенние дни, Дорогие вы, В сердцах зажигайте Огни любви” (полная парадигма); **Видѳѳдлѳ** тѳ **коркѳ** рыт – **Пѳльѳ** **нетас** ыла **вылѳ** (Куратов 90) “Посмотрите вы когда-то вечером – Выдет дед на улицу”; **Локтѳ** **сахар**, **локтѳ** **чай**, **Табак**, **майтѳг** – **получай!** **Юксѳ** **да эн пурсѳ** (Савин II 35) “Прибывает сахар, прибывает чай, Табак, мыло – получай! Делитесь и не деритесь!”, **Мырѳдяланнѳ** **да петѳгѳд ѳдѳс дорас** **караул сьутѳдѳ**, **мед некодѳс ылаас** **не лѳдзны**. **Шутѳвта** **да, ставнѳд чукѳртѳ** (И.Сажин) (Ытва 101) “Отберете (оружие) и, когда будете выходить, возле двери поставьте караул, чтобы никого на улицу не выпускать. Свистну, и тогда все соберитесь” (краткая парадигма). Краткая форма императива 2 лица мн. ч. -ѳ употребительна в большинстве коми диалектов и уже вошла в литературный язык, став грамматической омоформой лично-числовому показателю глаголов 3 лица ед. ч. настоящего времени: **Ваня юѳ** “Ваня пьет” ↔ **Ваня да Саша, юѳ!** “Ваня и Саша, пейте!”

Диахронно суффикс -ѳй восходит или идентичен с посессивным суффиксом 1 лица ед. ч. -ѳй “мой”. Притяжательный суффикс 1 лица ед. ч. был перетянут в сферу глагола и использован в роли окончания 2 лица мн. ч. повелительного наклонения, поскольку эта форма также употребляется при обращении (Серебренников 1963 : 292). Посессивный суффикс через ступень вокативного показателя переосмыслился в показатель императива 2 лица мн. ч. Гипотетический консонант -ѳ- восходит к прауральскому деминутивному суффиксу *-j (Kövesi 1965 : 122-161).

Прохибитивные формы императива 2 лица мн. ч. также отличаются вариативностью, что вполне объяснимо диалектными расхождениями, которые естественно находят свое выражение и в коми литературных языках, что частично отражается и в нормативных грамматиках: кп. **ѳд(ѳ)** **гѳж-ѳ** “не пишите” (КПЯ 254), кз. **ѳн мунѳй** “не идите” (Бубрих 1949:119), **ѳнѳ гѳжѳй** “не пишите” (СКЯ I 219). Диалектные корреспонденции прохибитивной формы императива 2 лица мн. ч. следующие: кя. **ѳдѳ мунѳ** (Лыткин 1961 : 68), оньк. **ѳдѳ вай-ѳ**, **ѳдѳ вайѳт’ѳ** “не несите” (Баталова 1990 : 119), нн. **ѳд(ѳ) кай-ѳ**, **ѳд(ѳ) кай-ѳт’ѳ** “не подымайтесь”, кк. **ѳдѳ бѳбалѳ** “не шалите” (Дмитриева 1998 : 113), лл. лет. **ѳд(ѳ) мунѳ**, **ѳд(ѳ) пуктѳ**, л. **ѳн(ѳ) мунѳ**, **ѳн(ѳ) пуктѳ** (ЛД 79), вс. **ѳн мунѳ**, **ѳн пуктѳ**, Кб. **ѳн мунѳ**, **ѳн пуктѳ** (ВСД 119), сс. **ѳн**, **ѳнѳ**, **ѳнѳй пырѳй (пырѳ)** (ССД 49), скр. **ѳн(ѳ**, **ѳй) пуктѳ**, **ѳй**, **ѳд(ѳ**, **ѳй) пуктѳ** (ПСД 132), нв. **ѳн(ѳ) мунѳ** (НВД 48), вв. **ѳн(ѳ) мунѳ**, **ѳн(ѳ) мунѳй** “не идите” (ВВД 101), печ. **ти ѳн (ѳнѳ) пѳтѳ(ѳй)** (ПД 38), вым. **ѳн мунѳ**, **ѳн пуктѳ** (ВД 119), уд. **ѳн карѳ**, **ѳн ѳрѳ** (УД 68), иж. **ѳн мунѳ** (ИД 87). Как свидетельствует представленный материал, наиболее вариативные формы употребляются в центральных коми диалектах, в севернокоми диалектах наоборот – употребляются сокращенные формы. Очень часто в одних и тех же говорах распространены и полные, и краткие формы, напр., в верхневьегодском диалекте форму **ѳн(ѳ) мунѳ** “не идите” употребляют в сс. Вочь, Деревянск, Керчомья, Нившера, Пожег, Сторожевск, а форму **ѳн(ѳ) мунѳй** в сс. Аныб, Вочь, Деревянск, Керчомья, Мыелдино, Пожег, Ручь, Усть-Кулом, Усть-Нем (ВВД 102). Иногда к отрицательному глаголу

может присоединиться суффикс однократно-кратного способа глагольного действия **-ды**, напр., *Муса зонмй, энлы коль, Энлы коль Кыкён корсы маръямоль, маръямоль* (Г.Юшков) (ВК 1993, № 3-4 : 83) "Милый парень не оставь, не оставь. Вдвоем будем искать ягоды пиона лесного"; *Мися энлы дивитнытэ тэрмась, Он кё делё вылас нинём тёд* (Тимушев 20) "Мой не спеши стыдить то, Если в действительности ничего не знаешь". Суффикс **-ды** привносит усиленное значение запрещения, недопущения действия для собеседника(ов).

Интересное явление в образовании форм императива 2 лица мн. ч. развилось в коми-пермяцких диалектах и литературном языке, лузско-летском, верхнесысольском и ижемском коми-зырянских диалектах. Контаминация исконного коми показателя и заимствованного из русского языка суффикса императива **-т'е**, напр., *иди-те, смотри-те*. Примеры онк. *сотмё-т'э "прибавьте", лонтё-т'э "натопите"* (Баталова 1990 : 119) *ни. ос'тё-т'э "откройте", гыжё-т'э "напишите"* (Баталова 1995 : 113), *кк. мунё-т'и горттэзаным "идите по домам", ырöшсö йуё-т'э "пейте квас"* (в диалекте употребляются два алломорфа суффикса **-т'э** и **-т'и**) (Дмитриев 1998 : 112), *кп. лит. бостьтё-те "купите", мунё-те "идите"* (в разговорном языке) (КПЯ 249), *лл. Пуксёт'э, шыд чолта "Садитесь, налью суп", с'овёт'э "кушайте"* (ЛД 84). Характерно, что такая контаминация формантов имела место в тех пограничных регионах, где коми-русское языковое взаимодействие шло наиболее интенсивно. Хотя считается, что «элемент **-т'э** не несет никакой грамматической нагрузки» (КПЯ 249), явление соединения синонимичных по семантике формантов объективно усиливает или подчеркивает основное грамматическое значение. Интересно, что **-т'э** может присоединяться также и к отрицательному глаголу энö: *Энот'э дойдö "Не ушибите"* (ЛД 84). Грамматически наиболее важное значение как раз содержит основной глагол эн, к которому присоединяется **-т'э**.

То же явление имеет место также и в т.н. пригласительной форме императива 1 лица мн. ч. в этих же диалектных регионах. Примеры: онк. *пирáмт'э гортö "зайдемте домой", вэтлáм-т'э кинö "сходимте в кино"* (Баталова 1990 : 119), *ни. корáмт'э гóс'с'эз "давайте пригласим гостей"* (Баталова 1995 : 113), *кп. лит. Мунáмте кинöб "Пойдемте в кино"* (КПЯ 249), *лл. Йувамóт'э чайсö "Давайте пить чай", мунамт'э, мунамóт'э "пойдемте", с'ойамóт'э "покушаемте"* (ЛД 84), *вс. -т'ё, -т'э (-т'о Кб.): мунамт'ё, мунамт'о Кб., "идемте", Видз вылад мунамт'ё "Идемте на пожню"* (ВСД 122), *иж. Вайэ пукс'ыламт'э "Давайте посидим"; Вошйамт'э с'ывыны "Начнемте петь"; Н'ол' пэл'эса, чоййáсэ, вартамт'э н'итша рынышын (из фольклора) "В четырехстенном овине смолотим, сестры"* (ИД 87). Р.М.Баталова отмечает, что «элемент **-т'е** имеет смысловую нагрузку – призыв к совместному действию, в котором участвует и сам говорящий» (Баталова 1995 : 113).

Так называемые "пригласительные" формы императива 1 лица мн. ч. в нормативных грамматиках не выделены, однако они вполне употребительны. Диалектные корреспонденции форм императива-пригласительных форм 1 лица мн. ч. фиксируются не во всех монографиях по коми диалектам: онк. *вай-ам "давайте принесем", ыстáмö "давайте вышлем", бэртáмö "давайте вернемся (обратно)"* (значение повеления иногда выражает

ся переносом ударения на словоизменительный суффикс) (Баталова 1990 : 119), ни. *корáлмтэ* “давайте попросим”, *пыртáлмтэ* “давайте занесем” (в форме 1 лица мн. ч. значение повеления иногда выражается переносом ударения на словоизменительный суффикс) (Баталова 1995 : 113), сс. -ам, -амö, -амöй: *лөктö с’оам* “идите, поедем”, *лөктö мунамö* “пошли давай”, *дугдыламöй уджалныс* “перестаньте на время работать” (ССД 52), скр. *ло(в)-амöй* (в других присыктывкарских говорах, кроме с. Шошки, только пригласительная форма, обозначающая призыв к совместному действию, имеет суффиксы -амöй, -имöй: *мунамöй* «идемте», *мунимöй* «идемте, пошли» (ПСД 133, 135), вв. -амэй: *мунамэй* “идемте”, *четчамэй* “встанемте” [в говоре с. Сторожевска такие глаголы повелительного наклонения имеют окончание -э: *мунамэ* “идемте”] (ВВД 102), печ. *мунамö* и *мунамöй* “идемте”, *чэтс’амö* и *чэтс’амöй* “встанемте” (ПД 38), вым. -амö: *Ми ордö мунамö* «Пойдемте к нам», *Лөктö шоччамö* «Давайте отдохнем» (ВД 123), уд. -ам(ö): *с’ойам*, *с’ойамö* «поедем» (УД 73), иж. *мунам*, *мунамтэ*: *Вайэ пуксылактэ* “Давайте посидим”, *Вошйамтэ с’ыны* “Начнемте петь” (ИД 87).

Формальная идентичность императивных показателей 1 лица мн. ч. и соответствующих лично-числовых формантов 1 pl в I будущем времени в устной речи преодолевается за счет просодических характеристик: глаголы в пригласительной форме императива характеризуются резким повышением интонации на первом слове и ее удержании до конца глагольного слова (пример б), глаголы изъявительного наклонения не отличаются повышением интонации, (пример а):

а) Аски ми *мунам(öй)* ю дорö «Завтра мы пойдем к реке»,

б) Нывъяс, *мунам (öй)* ю дорö! «Девочки, пойдемте к реке!»

Пригласительные формы в речи употребляются или параллельно с основными формами императива 2 лица или же самостоятельно, также в сочетании с частицей *вай* “давай” и существительными, выражающими вокатив. Примеры: – *Вай пöрчысь да гождылаштам* – *пальöдчыштіганым гулайтыштам өртійыс*, *коль ёктыштам самöвар пуктыны* (Куратова II 76) «– Давай разденысь и позагораем – проветриваясь, погуляем по лесу, шишек немного соберем самовар поставить»; – *Купайтчамöй!* – *да горöдчигкостійыс нин шыбитöма вылысьыс паськөмö* (Васютов 84) “– Покупаемся! – и, пока кричал, уже снял он с себя одежду”; *Борд пöла рака моз, шатласигтыр, петіс пызан сайысь да зымгис сапöга кокнас:* – *Ёктыштамö, бабаяс!* (Ульянов 62) “Как ворона с одним крылом, пошатываясь, вышла она из-за стола и топнула ногой в сапог: – Потанцует, бабы!»; кп. – *Мунам*, Андрей, *мунам*. *Дугды эстöн вынтö песны. Некöр он адззыв бур лунсö* (М.Лихачев) (ППШ 9) «– Поедем, Андрей, поедем. Перестань там силы тратить. Никогда и не увидишь хорошего дня!»; – *Но ладно, мунамöте*, – *только и шуис сја*. – *Видзчисьöны, натътö* (В.Климов) (ПШ 178) «– Ну ладно, пойдемте, – только и сказала она. – Ждут, наверное». В работах по диалектам и обобщающих грамматиках прохибитивные, отрицательные формы т.н. пригласительных форм императива обычно не приводятся. Однако они также употребительны, напр., – *Челядь, вай оö муной(й) талун чери кыйны!* “Дети, давайте не пойдем сегодня ловить рыбу!”; – *Оö кежö туйысь боко!* “Не свернем с дороги!” Более детализован-

ный обзор образования форм императива и диахронии суффиксов дан в работе Р.А.Микушева (1992 : 54-64, 96-99).

Позитивные и прохибитивные пригласительные формы императива также употребляются в составе полных и кратких суффиксов:

1 лицо мн. ч.	полные	краткие
положительные формы	<i>мун-ам(ə)й̆</i>	<i>мун-ам</i>
прохибитивные формы	<i>ог(ə) мун-(ə)й̆</i>	<i>ог мун-ə.</i>

2.4.2. Значения и функции императивных форм

До конкретного рассмотрения грамматической семантики императивных форм есть смысл выявить смысловое содержание форм, выражающих слушающего (собеседника) как обязательного члена речевой ситуации, которому адресуется побуждение делать или не делать что-либо. Чаще всего такие языковые единицы именуют обращениями или вокативами. Категория вокатива в коми языке также рассмотрена Р.А.Микушевым (1992 : 135-155). Вокативная словоформа устанавливает или указывает на связь со слушающим(и) и оформляется двояко: либо показателем номинатива, либо морфемой **-əй̆**, которая омонимична личному притяжательному показателю 1 лица ед. ч. кз. **-əй̆**, кп. **-ə** “мой”, напр. *Зонм̆, зонм̆, гажа ов!* Кокыд на тай кокныд! “Парень, парень, живи в село! Легка ещё твоя нога!”; *Ныл̆, ныл̆, тэ ме выл̆ меліджыка видз̆длы!* (Куратов 59) “Девушка, девушка, ты на меня поласковее погляди!”; кп. *Чолас-керас Иван-дурак да бора небурика горəтə: – Воннз̆з̆, воннз̆з̆, эд̆ кол̆!* *Воннз̆з̆, воннз̆з̆, эд̆ кол̆* (Кытчə 225) “Помолчал Иван-дурак и опять негромко покрикивает: – Братъя, братъя, не оставляйте! Братъя, братъя, не оставляйте!” Причем оба значения – вокативное и притяжательное – могут легко накладываться друг на друга, как это видно в последнем примере.

В поиске определяющего компонента в семантике вокатива мы исходим из базовой его функции – номинации слушающего, адресата, который хотя и в строгом смысле слова вовсе не является обязательной, в речи тем не менее играет большую роль как фактор усиления, подчеркивания связи говорящего с адресатом. В работе Р.А.Микушева в семантике вокативной формы в качестве основного постоянного компонента постулируется значение побуждения к действию, призыв слушать, выражаемый говорящим, а в качестве второго, переменного – номинация адресата (*Видза ов, парма-əй̆!* “Здравствуй, парма-лес!”) (Микушев 1992 : 154). На наш взгляд, наоборот, номинативная функция является первичной, ибо само по себе слово-вокатив без связи с глагольной формой не выражает никакого побуждения, также как и не употребляется само по себе. Выделяемая в ряде работ эмоционально-оценочная функция слов-вокативов не является самостоятельной, она основывается на его основной номинативной функции, являясь вторичной (см. представленные примеры).

Слова-вокативы (существительные, прилагательные, личные местоимения, словосочетания) обозначают адресат(ы), которыми являются:

а) конкретный собеседник, участник речевого акта (лицо одушевленное), напр. скр. *Ті эд̆ мун̆й̆* “Вы не ходите” (ОКР 45); сс. *Оз нил̆*

городлы мамыс. Только шуас: "**Шочыш** пѳ, **Марпидушка**, **мудзин** нин (ОКР 118)" Не крикнула уже ее мать. Только сказала: "Отдохни, мол, Марпидушка, устала уже"; **Нурьясь, ю, бур морт!** Яран моз ми оѳ юѳ (Кура-тов 54) "Ешь, пей, добрый человек! Мы не пьем как ненцы"; кп. – **Эн гор-зы, ныька:** ме тэныт неба шондѳ кодь мича платье, а **тэ пукты** кытчѳдз сѳѳ кольть кышѳ (Кытчѳ 287) "Не плачь, девочка: я тебе куплю платье словно солнце, а ты положи его до времени в яичную скорлупу". Разно-видностью данных вокативов является обозначение самого говорящего в случаях императивных высказываний, направленных к самому себе, обычно во внутренней речи, монологах: – **Вася, но эн пов, выныштчы,** **ставѳ верман, – вьставліс** Вася аслыс "Вася, ну не бойся, прибавь силы, все сможешь, – говорил Вася себе;

б) конкретный собеседник, животное, птица, насекомое и т.п., обыч-но в сказках, детской художественной литературе и поэзии, напр., уд. **Кысѳ, Нявиѳ, Джадж дортѳ ветлысѳ, Выя нянь нылысѳ, Шыртѳ кутав** "Кисочка, Мяукала, Лизунья масленого хлеба Ходячка по краям полка, ло-ви мышпей" (ОКР 260); нв. Кань... **Петукѳс пукседас да шуас:** "**Тэ пѳ ручид-лы ин шыась, ручид локтас-да**" (ОКР 8) «Кот петуха посадил и сказал: "Ты, мол, лисе не отвечай, когда лиса придет"; скр. **Сіе бара вѳзйисис:** "**Дзодзѳгьясѳ, дзодзѳгьясѳ, вай спаситѳй менѳ**" (ОКР 54) "Он (мальчик) опять попросил: "Гуси, гуси, спасите меня"; **Майбырѳгьяс дзодзѳгьяс, Менѳ тиѳтши кыпѳдлѳ, Олѳмѳгьяс петкѳдлѳ, саридзѳ сибѳдлѳ!** (Савин II 34) "Сча-стливчики гуси, Меня тоже подымите. Покажите жизнь, к морю (теплым краям) приблизьте". К этой группе относятся вокативы, обозначающие также персонажи легенд, сказок, преданий – мифологические существа (бесы, черти, духи, боги и т.п.);

в) неодушевленный предмет или реалья, к которым обращается го-ворящий или пишущий, обычно также в произведениях фольклора или художественной литературе, преимущественно в поэзии. Примеры: А **ѳр керкаад пыригѳн колѳ век вѳзйысьны:** **Избушка-матушка, лѳдз** менѳ узьны да шонтысьны! (КАП 129) "А входя в лесную избушку, надо всегда попро-ситься: "Избушка-матушка, пусти меня переночевать и согреться"; А **мыйѳн пѳ вован судзмѳн выя, шу пѳ, сабля пѳ, секи-руби** пополам (ВСМ 165) "А как подойдешь до того, чтобы достать, скажи мол, сабля, руби-секи пополам"; **Морѳс тырѳн лолав, парма, Югѳд** виис тэньсѳд вой (Вави-лин 3) "Полной грудью дыщи, парма, Свет уничтожь твою ночь"; **Тусѳѳ югѳд лунѳсѳй, Донаясѳй тѳ, Сѳлѳмѳгьясын ѳзталѳй, Радейтчѳмлысь би** (А.Ванеев) (ВК 1993, № 3-4 : 88) "Весенние светлые дни, Дорогие вы, В сердцах зажигайте огонь любви"; **Югѳд кодзѳв, пѳтаѳ, пѳтаѳ, Эзысь ко-дзѳв, пѳтаѳ!** (Савин II 33) "Яркая звезда, выйди, выйди, Серебрянная звезда, выйди!"; **Лѳдзлы сынѳдас, завод, гудоктѳ, Пальѳд** ывалалысь ылалѳм сады! (Размыслов 15) "Пусти в воздух, завод, свой гудок, Разбуди улицу в забытѳ".

В дистрибуции императивных форм есть двоякое представление и осознание говорящим/пишущим языковой ситуации: прямое, конкретное и переносное, воображаемое. Прямое осознание и представление речевой ситуации основывается на такой экстралингвистической ситуации, где есть реальный слушающий или адресат в ед. и мн. ч., говорящий непо-средственно обращается к конкретному лицу, предмету, напр., нв. **Мужик**

воас ёрысь, шуё: “Кынём сюмалё, **вайишт сёйиштны**”. Баба шуё: “М пыза рок пуйи, **сёй**” (ОКР 23) “Мужик придет из леса, говорит: “Хочу есть, дай немного поесть”. Жена говорит: “Я сварила мучную кашу, ешь”; **Модімё**, – чеччигмозыс зйля вочавидзис Галя, кисё нин лёсьёдёмма пуктынь Митя пельном вылё (Шахов I 191) “– Пошли, – вставая, охотно ответила Галя, руку уже собралась положить на плечо Мити”; кп. **Сэтчё пырк лэбзя модік каёк да шуё**: – **Эн горзы**, нывка, паськёмыт понда (Кытчё 287) “Туда прилетела другая птичка и говорит: – Не плачь, девушка, из-за своей одежды”.

Переносное представление речевой ситуации основывается на такой экстралингвистической ситуации, где не только нет конкретного слушающего или адресата, но он и часто невозможен, ибо говорящий/пишущий обращается, как правило, не к конкретному лицу, а ко всем или многим людям (читателям, молодежи, народу, друзьям, вообще всем окружающим). Наиболее общепринята такая установка говорящего в языке пословиц: нв. **Кос сартас моз ин поплась** “Подобно сухой лучине не трескайся (не лопни от злости)” (ОКР 36); вв. **Йёз сёрни вылё эн видзед** “Не обращай внимания на людские пересуды” (ОКР 73); **Йёз серам тые эн пет** “Не стань посмешищем для людей” (ОКР 78). Однако в литературном языке подобные употребления наиболее частотны в поэзии, напр., **Видзёдлө тэ коркө рыт – Пёльö петас ывла вылө...** (Куратов 90) “Посмотрите когда-нибудь вечером – Дед выйдет на улицу...”; **Чойяс да вокьяс, Вунёдөй шогьяс, Пальөдө өдйөджык ойбыр!** (Савин II 39) “Сёстры и братья, забудьте свои беды, встряхнитесь ото сна!; Смелджыка, вокьясөй, **ветлөй!** Коса вылын ёнмөдчын ми (Лебедев 30) “Смелее, братья, ходите! В битве укрепляймы”; кп. **Эд вунөтө: тэзмасын – сорасын** (Климов 34) “Не забывайте: поспешить – запутаешься”; **И некор тэ, ёрттэз, эд веритө, Что ме гортын овны абу рад** (И.Минин) (Пармаын югыт 140) “И никогда вы, друзья, не верьте, Что я не рад жить на родине”.

На основании собранного языкового материала и его анализа выделяются следующие семантические разновидности императива, когда побуждение исходит непосредственно от говорящего/пишущего.

1) Приказ, повеление, сделанное собеседнику, адресату в категорической форме, напр., **Зина. Ме муна. Юля (кутө). Сулав!** (Альбертлы) **Кулнынды али мый?** (Юшков III 177) “Зина. Я пойду. Юля (держит). Стой (Альберту) Померли что-ли?; Бригадирьд локтис пызан дорö: – **Председатель ёрт! Медводз асьтө штрапуйт. Кут ставсö зарплатасьыд, кымын вежөн куйлин юбмид өсна** (Шахов I 195) “Бригадир подошел к столу: – Товарищ председатель! Сначала себя оштрафуй. Удержи все то из зарплаты, сколько недель лежал ты по причине пьянства”; кп. **Иван дед өрөтчышт керис аслас местын, горөтчис: – Но, пуксы ноко, да пондыс паннытө** (Фадеев 52) “Дед Иван пошевелился на своем месте, крикнул: – Ну, садись давай да начини (плести лапти). Соответствие в удмуртском: **Урядник револьверз поттөй. – А ну, палэнске!** (М.Петров) “Урядник вынул револьвер. – А ну, посторонитесь!” (Тараканов 1984 : 31).

2) Инструкция, данная для обязательного выполнения, обычно употребляется в религиозных текстах: **Мукодөс энö мыждөй, сэки тиянөс өс мыждыны. Корөй – тиянлы сетасны. Корсьөй – адданныд. Игөдчөй – тиянлы осьтасны** (Матьвей 22) “Других не обвиняйте, тогда вас не осу-

төв, Эн ло тэ ме дінө скөр. Эн кынты тундраса чойтө, Да мудз мед а :
төд, Мед оз төд зарни көр (Н.Шукин) (ВК 1993, № 3-4 : 102) “Северный ве-
тер, прядущий снег северный ветер, Не будь сердитым ко мне. Не замо-
розь сестру тундры, И пусть устали не знает золотой олень”. Значение гла-
голов обращено в таких словоупотреблениях к потусторонним силам и
стихиям, к роковым обстоятельствам, к времени и т.п.

5) Призыв, обращенный как к одушевленным реалиям, так и к не-
одушевленным, содержание глагольных фраз синонимично с выражения-
ми оптативной семантики, напр., *Дзордзав жө, Коми му, коляоз дзоридзөй*
(Лыткин I 44) = *Мед дзордзалас Коми му...* “Расцветай же, Коми земля
мужскими цветами хвойных деревьев = Пусть расцветёт Коми земля...”.
Чаще всего глаголы повелительного наклонения с призывной семантикой
употребительны в лирических стихотворениях и прозе, где повествователь
желает исполнения определенных действий, чаще всего лишь предпола-
гаемых, напр., *Лэбзёй, повтөм варышьяс, Вына бордьяс шеныштлөй*
Джуджыд парма садьмөдөй, Гажа гажө пөткөдлөй! (Савин II 65) “Лети-
те, смелые соколы, Сильные крылья раскиньте, Высокую парму разбудите,
Веселое веселье покажите!”, “*Вокьяс, эн полө! Войшөр бөрд пыр на Гажэ*
асьне валө” (Лебедев 76) “Братья, не бойтесь! После полуночи всегда еще
приходило ясное утро”; *Эй ті, Кылад? Вөчөй асьныд Олан ногой өтүө*
ставныд, Вылө лэбзёй, сьолөм өзтөй, Мөдэ-мөдлысь вежөр вөсьтөй
(Чистаев 59) “Эй, вы! Слышите? Сделайте свою жизнь все вместе, Высоко
взлетите, сердца зажгите, Друг у друга умы откройте”; *Ышөд-ышөд мен*
сьым лов, Вөдзө шаньмы, вөдзө томмы, Шөндө улын сьве да ов Мөна
вунөдлытөм Камму! (Вансеев 98) “Вдохновляй мою душу. Становись более
красивой, молодой, Под солнцем пой и живи Мой незабываемый Коми-
пермьяцкий край”. В удмуртском языке этому подзначению соответствует
Эн вунэты та зигъёсыз, юнгес куашеты, Чупчи (А.Лужанин) «Не забудь
этих друзей, сильнее плещись, Чепча» (Тараканов 1984 : 32).

6) Разрешение, допущение и согласие, обычно говорящий позволя-
ет/допускает производить определенное действие слушающему или адре-
сатам, напр., – *Кодкө эм абу? Пырныө позьө оз. – Кыдз оз, пыр вай инө* (из
разговора) “– Кто-либо есть ли? Зайти можно? – Как нет, заходи коли так”,
Ярө. Суи на кө-а? Гижысь. Суин на, суин. Пуксьы, шойччы. Мөдөн, көнкөй
(Юнков III 246) “Яро. Застал вроде бы? Писатель. Застал еще, застал. Са-
дись, отдыхай: По делу, наверное?” Императивные глаголы со значением
разрешения часто управляют частицей инө “либо”, напр., – *Мамө, киноэ ми*
ветлам, абу өд на сёр. – Ветлөй инө, көсьяд кө (из разговора) “– Мама, в
кино мы сходим, не поздно ведь еще. – Сходите либо, если хотите”, ср. со-
ответствие в удмуртском: – *Ті шутэтске, шутэтске, – буйгатэ со,*
жыт пал лыктоды (Т.Архинов) “– Вы отдыхайте, отдыхайте, – успокаивает
она, – под вечер придете” (Тараканов 1984 : 32).

7) Предложение, рекомендация, совет, обращенные к слушающему
му(им), часто это значение выражается формами императива I лица
мн. ч., напр., – *Мөдысь манитчиганыд зөйтлөй көть, – бурмис сьолөмы*
мамыслөн (Б.Шахов) (ВК 1990, № 7 : 8) “В другой раз, когда задержитесь,
позвоните хоть, – отлегло от сердца у матери”; – *Сиджө и, көтөртөй Иса*
вад бокас, – индана кайтыштіс Макал Савельевич (Безносиков II 24)
“– Если так, бежите тогда к лесному озеру Исака, – указывая повторил Ма-

кар Савельевич»; вс. Аскынас вокъясос нудди: **“Кайламте** прнъясон, оз-б кыскъ сюр” (ОКР 134) “Наутро предложил братьям: “Сходимте в лес с собаками, не отыщется ли откуда-то (медведь)»; Эг нин йѡктывалѡй дър Коми тангосѡ тайѡс. Вай же **петалам** ми кѡтъ ѡти здук (В.Лодыгин) (ВК 1993, № 3-4 : 109) “Давно уже не танцевали это коми танго. Давай же выйдем мы хоть на миг”; кп. лит. – Нинкѡмѡс кин нѡ бѡстѡс? – **Вай-ко!** Хозяйка высьталас: *Ме сѡйѡ горын сотѡ. Старик корѡ: – Кѡтъ кысѡ вайѡ!* – *Сотѡ да кысѡ сета?* – *Сѡк курича вайѡ!* (Кытѡѡ 216) “Аапти мои кто взял? – Дайте! Хозяйка сказала: Я их в печке сожгла. Старик просит: – Хоть откуда дайте! – Сожгла да откуда дам – Тогда курицу дайте”; – *Ладно, верита, кытчѡдз тѡым эг адззыв. Но пѡрамѡ* (В.Канюков) (ППШ 379) «– Ладно, верю, пока сама не увижу. Ну зайдемте». Соответствие в удмуртском: – *Сиѡндѡ жѡкыт вѡзѡ, Олексан... Муртлы эн сѡтъѡ, ванъмызлы жеч уд луы. Тѡрлыктѡ ас котырад вѡзѡ* (Г.Красильников) «– Продукты эконоѡ, Олексан... Чужим не отдавай, всем не угодишь. Вещи держи у себя» (Тараканов 1984 : 33).

8) Пожелание, обычно говорящий обращается к близким, хорошо знакомым людям или же к коллективу, жителям города-села, стране. Примеры: – *Валя, ло шуда, дзоньвида, дзордзас да озырмы* “Валя, будь счастлива, здорова, расцветай и богатей”; *Водѡ сулаѡ да ѡнмы, Коми му* “Дальше стой и становись сильнее, Коми земля” и т.д. В удмуртском есть соответствие: – *жѡггес йѡна... Бадъым ужъѡс тонз вѡтѡ, – шуѡм Данилин* (М.Лямин) «– Скорее поправляйся. Большие дела ждут тебя, – сказал Данилин» (Тараканов 1984 : 31).

Императивные формы также используются для передачи косвенной речи или побудительных речевых ситуаций у других лиц/персонажей, обычно с частицей *нѡ* “мол”, напр., *Гѡбѡѡ пѡрылѡкѡстѡ найѡ джѡдж шѡрас сѡетѡдѡмѡйсѡ табуретка, шуѡны: пуксы нѡ* (Лыткин I 208) “За время пока залезали в подпол они поставили в центр пола табуретку, говорят, садись мол”; *Сѡйѡ кыдѡкѡ зѡв эскѡдана шуис том аньѡс кыѡзѡм бѡрын, эн нѡ, нылук, жулясь* (Курагова I 177) “Она как-то очень доверчиво сказала после того, как выслушала молодую женщину, мол, девушка, не грусти”; *Унаысѡ корѡм, лок нѡ да пуксы тѡѡтѡш, Васька оз и вѡччысѡ* (Юшков IV 30) “Многих приглашений, приди, мол, да садись, Васька и не ждет”. Косвенная речь может выражаться и без частицы, напр., *Лоѡ пѡлысѡ век повны, Некыдз он куж сылы овны. Пызан саяд панияс ѡла. Пуртѡн джѡдж шѡрад эн ѡдласѡ. Сарай вылад эн лысѡт кайны. Эн лысѡт дѡйдны кокѡ-китѡ. Сѡк нѡ-й лоан муса ни тѡ* (Юшков V 42) “Приходится всегда бояться деда, Никак не сумеешь для него жить. За столом кушай молча. Ножом посреди пола не стругай. Не смей залезать на сарай. Не смей поранить руки-ноги. Тогда, мол, и будешь милым сыночком ты”.

Кроме основных значений, императивные формы глагола могут функционировать также в переносных значениях, где не обнаруживается прямого побуждения говорящего/повествователя к адресату или слушающему, т.е. глаголы употребляются вне соответствующих речевых ситуаций. К числу вторичных, переносных значений относятся следующие:

1) Значение необходимости для самого говорящего/повествователя совершать действия, или же необходимость для литературного персонажа что-то делать вообще, напр., *Ю вылад, кѡнкѡ, немтор лоѡ ѡѡчнытѡ, кыѡт да кыѡт сѡмын, и пѡттѡдз кѡтъ лыдѡдысѡ* (Торопов I 25) “На реке, навер-

ное, нечего будет делать, плавыи да плавыи только, и досыта хотъ почитай Ичѣтик грездыд ёсь жель кодь вѣлі районса юралысьлы. А кыдзи нѣ! Сѣ юантѣ **вай**, почтатѣ **мѣдѣд**, школатѣ **красит-дзоньтав**, лавкаад **засьысьтѣ корсь...** (Ульянов 69) "Маленькая деревня была для руководит- ля района как острая заноза. А как же! Продукты вези, почту отправляй школу покрась-отремонтируй, продавца в магазин ищи..." Довольно часъ подобные употребления в т.н. внутренней речи, в монологической и в торской речи, напр., кп. **Лѣг лешак сотас быдѣс керкуоккесѣ – и курчѣ бѣра гырдызает** (И.Минин) (ПШ 94) «Злой дьявол подожжет домишки – и и сай опять локти»; **Долыт, гажа. Пукав бы да пукав этадз, шонтѣ вишкы табак**, но **Митроклѣ колѣ видзѣтны ассис хозяйствосѣ, тѣдѣ быдѣс я ладно, эз я ыжмав ойнас лѣк тѣлыс** (В.Климов) (ПШ 162) «Радосно, весело. Сиди бы да сиди вот так, кури табак, но Митроку надо следить за своим хозяйством, всё ли хорошо, не дует ли ночью северный ветер».

2) Значение усилительной степени действия, реализуется обычно в составе уступительных придаточных предложений с союзом **кѣтъ** "хоть", напр., **Лѣсьыд пѣкъя кокъысыс сьлѣн тѣрдѣсны веж петкѣдлан кѣтъ вѣтчыв да кутышитлы** (Юшков II 273) "Красивые икристые ноги не мелкали, вызывая возбуждение, хоть догони и погладь"; **...Кѣтъ сѣс семдытѣдз повезы** (Васютов 56) "...Хоть до судорог пугайся". Иногда и перативная форма выражает действие в абсолютном значении, напр., **А ныс вѣлі сѣтшѣм пѣдтана, кѣтъ гѣбѣчѣ пыр да сѣні ов** (из разговора) "Да был таким душным, хоть в подпол заходи и там живи". Значение уступительных предложений синонимично герундию с суффиксом **-мѣн**, они часто вполне заменяемы, ср. **Гажтѣм лоц, кѣтъ горзы** "Скучно стало, хоч кричи" ↔ **Гажтѣм лоц, горзымѣн** "тж".

3) Императивные формы могут в соответствующем контексте выражать действие, осуществившееся в прошлом, употребляясь вместо глаголов в форме I прошедшего времени, напр., **Еджыдѣяс вьлѣ лѣкаліс, асы видѣс** (Гриша): **"Босьт да тадзи сетчы. Коммунист ещѣ ачым! Ты касьтѣг сетчи"** (Е.Колегов) (Ытва 71) "Злился на белых, себя ругал (Гриша) "Возьми и так сдайся. Сам еще коммунист. Сдался без боя". Перечисленные значения глаголов в императивных формах являются транспозиционными, глаголы употреблены вместо обычных для выражения таких значений финитных глаголов и некоторых инфинитивных форм. И наоборот, некоторые инфинитивные и финитные глагольные формы могут выражать императивную, побудительную семантику, напр., инфинитив: **– А тѣянь челядѣ, дасьтыны классѣ урѣк кежлѣ!** (из разговора) "А вам, ребята, подготавливать класс к уроку".

Кроме перечисленных случаев, некоторые императивные формы речи могут вообще терять конкретные лексические значения, по сути превращаясь или в частицу, или в вводное слово. Слово **шу** (букв. «скажи») функционирует как частица со значением "мол", напр., **Рытѣя шу кѣд матушка, Менѣ рѣдитѣн. Асья шу кѣд, матушка, Менѣ мѣдѣдѣн. Лѣбзя шу лѣбзя, матушка, Сѣкѣл-тицадн** (ВК 1993, № 3-4 : 19) "В вечернее время мол, матушка, меня ты родила. В утреннее время, мол, матушка меня отправила, Полечу, мол, полечу, матушка птицей-соколом". В лужско-лещинском диалекте слово **видзышиты** «букв. посмотри») выполняет роль вводного слова: **Вѣл вѣснаыс ололтѣс. Ылын, видзышиты, кѣдзаниныс ветлыныс** (Ю

179) "Долго на лошади задержался. Ходить до места сева, видишь ли, букв. посмотри, далеко". Подобный материал фиксируется И.В.Таракановым в удмуртском, в словах *шу* «букв. говори» и *ворды* «букв. вырасти» оттенок побуждения к действию совершенно отсутствует, напр., *Котьмар шу но, тон интые калык огжылысь мукет муртэ быръе ке, сыёе дыръя шулдыръяськонэн йырин ёвёл ни* (Г.Красильников) «Что ни говори, если вместо тебя народ единогласно выбирает другого, тогда уж не до веселья»; *Эж шу-у, тйни, туалал арын нылпи ворды* «Эх, скажи, вот и вырасти детей в нынешние времена» (Тараканов 1984 : 36).

2.5. Индикатив (изъявительное наклонение)

Формальными показателями индикатива в коми и многих других языках являются лично-числовые суффиксы, детальное рассмотрение которых представлено в 3 главе. Глаголы изъявительного наклонения обычно произносятся с повествовательной интонацией и выражают реальное, с точки зрения говорящего, действие в противоположность нереальным действиям других наклонений, в частности, императива. Под реальным действием подразумевается такой процесс, о котором говорящий сообщает как об имевшем место факте или как о не имевшем места в формах отрицательных глаголов, имеющих самостоятельную парадигму словозменения. Примеры: *Вася тэрыба петиc ыалаб. Тёрыт сйё лунтыр гуръясис трактор вылын* (Юшков V 101) «Вася торопливо вышел на улицу. Вчера он целый день катался на тракторе»; кп. лит. *Воннэс видасё, видасё Иванкоё да сэтчö и колясё. Ся сулалö да думайтö* (Кытчö 247) «Братья ругали, ругали Иванушку и туда и оставили. Он стоит и думает»; – *Кытчö, Павел? – Ог тэд; муна каръяс шөрö* (Куратов 235) «– Куда, Павел? – Не знаю; иду в города»; кп. лит. *Менам ёбра вильмöм чужанйын Оз ни сотö кызовой сартас* (М.Вавилин) (Миян 55) «На моей обновленной лесной родине уже не жгут березовую лучину». Индикатив существенно отличается от других наклонений также своей максимальной нейтральностью в отношении категории модальности, обычно он не содержит оценки действия со стороны говорящего.

Кроме высказываний утвердительного характера, глаголы в индикативе могут выражать и вопрос, который может дополнительно сопровождаться также специфической вопросительной интонацией, если при глаголе отсутствуют вопросительные частицы *ö* «ли», *ёмöй* «разве», кп. *разь* «разве», а также вопросительные слова в предложении, напр., – *Сурыд колыштылi эз?* – *веськöдчылыс да юалiс пилитчыс Педёр* (Шахов I 112) «– Пива немного осталось или нет? – выпрямился и спросил пиявший Федор»; *Марпа. А тэ яндысьлан? Көнi, ноко, деньгаыд?* (Юшков III 183) «Марпа. А ты стыдишься? Где ну-ка деньги?», кп. лит. – *Ся быдöс тэдö?* – *Быдöс и быдöс!* (Кытчö 232) «– Он все знает? – Все и все»; – *Ме, шуан?* *А мый ме?* – *Тожö ныкöт пышшавны пондiн?* (Фадеев 193) «– Я, говоришь? А что я? – Тоже с ними стал ты гулять?»

Кроме выделенного основного содержания, глаголы в индикативе, управляя частицами, образуя аналитические конструкции, могут обозначать различные модальные значения, соответствующие значениям само-